

СПОРЫ ВОКРУГ ФЕЛЬДМАРШАЛА: ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ М. И. КУТУЗОВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В последние годы Саратов стал признанным центром отечественного кутузоведения. Работы академика МАН ВШ Н. А. Троицкого и профессора В. В. Пугачева, при разности подходов к личности русского полководца, задают ту высокую планку рассмотрения феномена вождя народных сил в 1812 году, ниже которой опускаться серьезным исследователям уже невозможно. Это, естественно, вызывает недовольство полупрофессионалов, которым не хватает ни знаний, ни аргументов, чтобы убедительно оспорить выводы ученых. Показателен в этом отношении доклад сотрудницы Государственного музея А. С. Пушкина Л. Л. Ивченко под названием «М. И. Кутузов в современной историографии», прозвучавший на открытии XI Всероссийской научной конференции 8 сентября 2005 года в Бородинском музее.

Лидия Леонидовна обрушилась на книгу Троицкого «Фельдмаршал Кутузов: легенда и реальность»¹ с набором штампов времен брежневского застоя. Подобная вышедшая из моды конъюнктурность еще расцветает на различных околоточных междусобойчиках, на которых откровенные дилетанты изображают из себя историографических мэтров. Сам Троицкий, предвидя такое положение, напоминал об одном из «шедевров» корпоративного дилетантизма – восьмитомной «Советской военной энциклопедии» конца 70-х годов под редакцией П. А. Жилина: «Статья о Кутузове здесь в 6,5 раз (!) больше статьи о Барклае де Толли (а Л. И. Брежневу, кстати, посвящено больше текста, чем любому из величайших полководцев всемирной истории, включая Александра Македонского, Цезаря, Наполеона и Суворова»². Впрочем, сама Ивченко, рьяно набросившись на упоминающуюся книгу академика, ни разу не назвала его новую солидную монографию³, что свидетельствует о том, что она с ней, по-видимому, не знакома.

Позиция Н. А. Троицкого выражена четко и конкретно: М. И. Кутузов, при всех его достоинствах, не был великим полководцем, равным, а, тем более, превосходящим А. В. Суворова и Наполеона. Дело не в отдельных недостатках фельдмаршала как стратега и тактика, а в порочности самой системы самодержавно-феодальной системы выдвижения на высшие руководящие посты, при которой решающими часто оказывались отнюдь не профессиональные качества.

Закулисный «византизм» настолько перегружал головы военных чинов входящими обстоятельствами, что на решение чисто военных вопросов часто не оставалось времени. Российские генералы становились универсалами: решали наряду с армейскими и политические, и придворные, и хозяйственные задачи. Вместе с тем они являлись, как правило, крупными земле- и душевладельцами. И это еще не все. В их жизни сочетались разнообразные иерархические уровни: петровская регулярная «Табель о рангах» и многочисленные неформальные связи (семейные, родственные, дружественные и т. п.). Это создавало особую сословную кастовость, проникнуть в которую постороннему человеку было практически невозможно. При всех разногласиях внутри правящего сословия, его сплоченность и монолитность обеспечивалась широко разветвленной системой внутренних связей.

Именно эта система и вывела Кутузова на центральную позицию в 1812 году. Он стал ее символом и смысловым центром. Феодално-дворянской верхушке нужен был национальный герой – и она его сделала (даже при негативном отношении к данной фигуре самого императора). Троицким проделана скрупулезная работа по выявлению методов и механизмов создания из Кутузова «спасителя Отечества». Мифотворчество, в основном, коренилось на трех приемах: прикрасы, умолчания и вымыслы. Всякое удачное деяние возносилось в ранг «великого», о просчетах и ошибках публично говорить было не принято, а провалы и неудачи перекладывались на плечи специально подобранных «козлов отпущения». Система мифотворчества была настолько эффективной и эффектной, что даже

¹ Троицкий Н. А. Фельдмаршал М. И. Кутузов: легенда и реальность. Саратов, 1998.

² Там же. С. 18.

³ Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.

А. С. Пушкин, знавший истинную цену Кутузову, прибег к ней во время Польского восстания 1830-1831 годов, когда возникла новая угроза европейского вмешательства, и написал хвалебную оду в честь «спасителя Отечества».

Однако, как мне кажется, Николай Алексеевич чересчур полагается на высказывания сторонних наблюдателей при оценке личности Кутузова. Даже наиболее проницательные из них подходили к фельдмаршалу с собственными критериями, не пытаясь, как следует, проникнуть во внутреннюю логику его поступков. Кутузов у Троицкого как бы скукожился до размеров заурядного интригана. Но фигура национального масштаба не могла сложиться лишь в результате деятельности придворных «имиджмейкеров». Фельдмаршал все-таки являлся крупнейшим российским политиком того времени. Этот аспект личности главнокомандующего выпадает из поля зрения академика. Между тем осенью 1812 года в руки Кутузова фактически перешла вся полнота власти в стране. Как он этого добился – ни один из историков до сих пор не объяснил. Александр I, как сам он выражался, «против своей воли» наградил фельдмаршала орденом святого Георгия 1-й степени, т.е. пытался откупиться от него. Этот «старый сатир» (по словам царя) на время затмил императора и не только выпихнул Наполеона из России, но и перехватил бразды правления из рук правительства, никому не поведая, собственно говоря, о своих истинных намерениях.

К этой загадке подступался профессор В. В. Пугачев. Он не успел создать своей монографии о Кутузове, но в ряде последних статей указал некоторые возможные пути разрешения данной проблемы⁴.

Прежде всего Пугачев подчеркивал, что противники Наполеона политически оказались более дальновидными, чем французский император. Модернизаторская программа Наполеона, предусматривавшая создание унифицированной Европы, натолкнулась на сначала пассивное, но со временем все возрастающее народное недовольство. Лозунг «мир – хижинам, война – дворцам», провозглашенный якобинцами и переведенный Наполеоном в сферу гражданского законодательства, стал восприниматься народами в качестве чуждой экспансии. В конечном итоге, они предпочли поддержать «свои» феодальные правительства. Понятие «отечества», национальной принадлежности, одержало верх над «правами человека», лозунгом «свобода, равенство, братство», привлекательность которого оказалась временной политической модой, а не кардинальным поворотом европейской истории.

Россия, в этом смысле, представляла собой уникальный случай национально-го возрождения без модернизации. Кутузов, волей случая, стал олицетворением этого процесса. Понять личность полководца и политика невозможно, применяя к ней исключительно западные термины и дефиниции. Пугачев пошел другим путем. Он рискнул рассмотреть фигуру Михаила Илларионовича через призму художественно-философского метода Льва Толстого⁵. Превалирующими при таком подходе оказываются не политологические, а психологические механизмы, система воздействия на конкретных людей, а не на социальные группы, многообразие личностных связей. Кутузов в 1812 году превратился в эпицентр человеческой спайки, пронизывавшей различные слои общества. Это и позволяло ему говорить от лица народа⁶. Стихия войны и стихия политики неразрывно переплелись в личности Кутузова. «Спасение России», действительно стало его миссией. Критикуя Кутузова как военачальника, упрекая его в пассивности, мы упускаем громадную подспудную работу, не понимаем его истинных целей. Собственно говоря, обреченность Наполеона на поражение была понятна фельдмаршалу с самого начала, и поэтому он не проявлял в военных вопросах особой активности. Его задача была в другом – умиротворение России, недопущение внутренних распрей. Перед нами, по мысли Пугачева, – не примитивный властолюбец, а политик-мудрец, кос-

⁴ См.: Пугачев В. В. Барклай де Толли, Кутузов, «скифские войны» и прошлые аналоги // История. Общество. Личность. Саратов, 1993; Пугачев В. В., Динес В. А. Ю. М. Лотман о пушкинском понимании Баркляя и Кутузова // Лотмановские чтения. Саратов, 1998; Пугачев В. В. Чем отличался Кутузов от Баркляя? // Постигая прошлое и настоящее. Саратов, 1997; Пугачев В. В. Кутузов и Лористон («Война и мир» и реальность) // In Мемогіам. Сборник памяти Я.С.Лурье. СПб., 1997.

⁵ См.: Епанчин Ю. Л. Профессор В. В. Пугачев об исторических образах М. Б. Баркляя де Толли и М. И. Кутузова // Забелинские научные чтения – Год 2000-й. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 126. С. 564.

⁶ См.: Пугачев В. В. Кутузов и Лористон («Война и мир» и реальность).

венно направляющий течение событий в необходимое русло. Как он это делал – до сих пор непонятно. Но народным героем он стал. И память о нем сохранилась прочно, в отличие от многих царей и императоров.